

Как мои да светы братьяца родимы
Изживают мнѣ, бѣдна добра мѡлодая,
И быдто лютого зверя да из темна леса
И быдто лютую змею да из чиста поля.¹

Рекрутские причитания показывают все ту же «отцовскую большую семью», искусственно сохраняемую, но вполне готовую к внутреннему взрыву. Члены ее уже подготовлены к обособлению в «малые семьи», их идеология противоречит окостеневшему строю «большой семьи».

Таким образом, в творчестве Федосовой противоречия внутри «крестьянского мира», внутри группы родственников и, наконец, внутри «большой семьи» выражены с меньшей полнотой, чем общий антагонизм крестьянства и представителей чиновничьей и военной власти. Однако этот последний все же играет в ее творчестве ведущую роль, рождает наиболее глубокие и поэтически законченные обобщения, в то время, как внутренняя противоречивость крестьянской жизни находит свое выражение в серии социально осмысленных бытовых зарисовок. Вместе с тем несправедливость «крестьянского мира» по отношению к отдельным его представителям, вызывая возмущение Федосовой, не толкает ее на активный протест и не вызывает у нее гневного возмущения, подобного проклятию судьям в «Плаче о старосте» или проклятию командирам в «Плаче о холостом рекруте». Протест Федосовой выражается здесь как бы косвенно, им наполнена каждая строка, но ему не посвящено ни одной строки специально. Для нее это скорей общая оценка жизни, общая оценка людской несправедливости. Протест же против бесчеловечных действий властей — это протест против чуждой и внешней силы, врывающейся в «крестьянский мир» и приносящей непоправимые разрушения. Он звучит смело и властно, он полон гражданского пафоса именно потому, что это ведущее противоречие крестьянской жизни той поры.

ГЛАВА 7

Характеристика основных черт крестьянского мировоззрения в пореформенный и предреволюционный период была дана с исключительной точностью и замечательной глубиной В. И. Лениным. Она повторялась им неоднократно.

¹ Т. II, стр. 44.

кратно, особенно в статьях, посвященных пятидесятилетию падения крепостного права (1910—1911 гг.),¹ восьмидесятилетнему юбилею, а затем смерти Л. Н. Толстого (1908—1911),² отразившего в своем творчестве идеи и настроения патриархального русского крестьянства. Ленин писал, что века крепостного гнета и десятилетия пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости, породили стремление смести до основания и церковь, и помещиков, и помещицье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, создать на месте полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян. В то же время В. И. Ленин отмечал незрелость социальных идеалов, говоря о «мягкотелости патриархальной деревни»,³ «политической невоспитанности»⁴ крестьянства, о том, что «монархические (а также неразрывно связанные с ними конституционные) иллюзии нередко парализовали его энергию... порождали пустую мечтательность о «божьей земле» вместо натиска на дворян-землевладельцев с целью полного уничтожения этого класса».⁵ И если в революции 1905—1907 гг. «все же, в общем и целом, крестьянство как масса боролось именно с помещиками, выступало революционно...»,⁶ то настроения крестьян в 60-е годы характеризуются В. И. Лениным по-иному: «...века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием...»⁷.

Классическая ленинская характеристика крестьянского мировоззрения блестяще подтверждается материала-

¹ «По поводу юбилея», «Пятидесятилетие падения крепостного права», «Крестьянская реформа» и прелетарски-крестьянская революция», «Сила и слабость русской революции» и др.

² «Лев Толстой, как зеркало русской революции», «Л. Н. Толстой», «Не начало ли поворота?», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», «Толстой и пролетарская борьба», «Герои «огорочки», «Л. Н. Толстой и его эпоха».

³ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 184.

⁴ Там же, стр. 185.

⁵ Т. 17, стр. 98.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 96.

ми народной поэзии, в частности всем творчеством Федосовой. Основные черты ее социального протеста как нельзя лучше характеризуются ленинскими словами: «...многомиллионная масса русского народа, которая уже ненавидит хозяев современной жизни, но которая еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца непримиримой борьбы с ними».¹ Протест Федосовой при всей своей силе был «не освещен никаким политическим сознанием». Более того, говоря о нем, следует помнить, что мы имеем дело со стихийно-реалистическим художественным творчеством, с мышлением поэтическими образами, которое при всей своей социальной конкретности, не обладало ясностью социального сознания. Ленинская характеристика крестьянского мировоззрения относится в основном к крестьянству в десятилетие, предшествовавшее революции 1905—1907 гг. и во время нее. Социальный протест крестьянства 60-х гг., с большой широтой отраженный в творчестве Федосовой, был еще менее осознанным и еще более противоречивым. За пятьдесят лет крестьянство проделало огромный путь, но для нас важно, что началом этого пути явились 60-е гг. Именно в 60-е гг. начало вызревать то, что дало свои плоды в 1905—1907 гг. В этом именно смысле В. И. Ленин говорил, что «1861 год породил 1905», имея в виду не только общий характер экономического развития России во вторую половину XIX века, но и эволюцию мировоззрения трудовых масс России.

Анализируя тексты Федосовой, мы стремились показать, насколько глубок и сложен характер ее социального протеста, показать, что означало для нее практически «ненавидеть хозяев современной жизни», показать, как тяга к новым формам общежития, с одной стороны, и «мягкотелость патриархальной деревни», ее «политическая невоспитанность», о которых говорит Ленин, — с другой, приводили к «незрелой мечтательности» об иллюзорной новгородской «досюльщине», о некоем «золотом веке без определенных жизненных очертаний». Нельзя забывать и того, что протест Федосовой выражен в форме причети, правда, значительно перераставшей уже старые рамки и границы, но все еще остававшейся причетью. «Апелляция к духу» (для Федосовой просто к богу), о

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 323.

которой говорит Ленин, в достаточной мере была свойственна и Федосовой. Проклиная «судей неправосудных» в «Плаче о писаре», она заканчивает гневную тираду обращением к богу:

Слыши, господи, молитвы мои грешные!
Прими, господи, ты слезы детей малых!¹

В «Плаче о писаре», негодуя на «властей», она не забывает вложить в уста кумы просьбу к покойному рассказать о крестьянских несчастьях богу (может быть, он заступится).

В иллюзорной «божьей земле», новгородской «достолющине», утверждает Федосова, люди жили по божьим законам:

По суду ли-то теперечко по-божьему...²

Таким же воздыханием о «божецкой жизни», о котором говорит Ленин, является и федосовское возмущение войной:

И пораздумаюсь бессчастливым умом-разумом;
И для чего ж да божьи церкви-то ведь строятся,
И для чего ж попы-отцы духовные ведь ставятся?

И мы живем да точно гуси заблудящие;
И как за наше, знать, велико прегрешение
И понапрасное живет да кроволитье.³

С другой стороны, Федосовой, как уже отмечалось, свойственно задумываться над «справедливостью божьей».

Читая заключительные строки «Плача о писаре» Федосовой, нельзя не вспомнить замечания В. И. Ленина о «монархических иллюзиях» крестьянства.

Кабы ведали цари да со царицами...
...про несчастную бы жизнь нашу крестьянскую.⁴

Хотя вина за рекрутчину и солдатчину возлагается и на царя, протест Федосовой, главным образом, направлен против непосредственных виновников крестьянских несчастий. Федосова мечтает о возможности «бить челом... царю да благоверному», рассказать ему о проделках «властей», хотя и знает, что до царя «не допустят»:

¹ Т. I, стр. 288.

² Т. II, стр. XII.

³ Т. II, стр. 293.

⁴ Т. I, стр. 293.

И тут раздумаюсь бесщастным умом-разумом:
И скрозекозны эти судьи страховитны,
И штуковаты эти власті немилосердны;
И нету страху у злодиев в релгизом сердце,
И нету совести у их да во ясных очах,
И не допустят-то прошения бесщастного,
И как до этого царя да до великого,
И все до матушки-царицы милосердоей;
И оны с ду-другом, злодией, увидаются,
И тут «зорвут-то гербовую бумаженьку;
И тут обыщут ведь солдатушков бесщастных,
И горевать, видно, бесщастным век и по-веку!»¹

Мы уже говорили о том, что при всей четкости конкретного осознания враждебной социальной силы, при всей энергичности протеста против нее, власть представляется Федосовой «фатальной силой». В этом отношении не случайна последняя строка только что приведенной цитаты:

И горевать, видно, бесщастным век и по-веку.

Федосова осознала глубину крестьянского «горя», она знала, кто виновник его, ненавидела этих виновников, но она не видела и не могла видеть путей освобождения. Жизнь научила ее ненавидеть социальных противников, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы. В этом сказалось во всей полноте ограниченность сознания крестьянских масс той поры.

Следует отметить, однако, что элементы социального протеста, т. е. сильные стороны мировоззрения Федосовой, явно брали верх над слабыми сторонами ее мировоззрения, о которых только что говорилось. Федосова всем своим творчеством отразила начало того процесса, о котором Г. В. Плеханов писал: «Мало-помалу масса растается с тем квиэтизмом, который привлек к ней горячие симпатии Толстого».² Поэтому не случайно творчество Федосовой привлекало внимание Некрасова и Горького, в то время как Л. Н. Толстой так же не случайно встретился с земляком и современником Федосовой В. П. Щеголенком (д. Боярщина), творчество которого характеризуется стремлением к «христианскому квиэтизму», к усилению религиозных мотивов в русском эпосе.

¹ Т. II, стр. 225.

² Плеханов Г. В., Собр. соч., т. XXIV, стр. 248.

Необходимо отметить, что сама И. А. Федосова, повидимому, ясно сознавала остроту текстов, которые она диктовала Е. В. Барсову. Недаром она ему говорила: «Не сошли меня на чужедальную сторонушку».

* * *

Подведем некоторые итоги. Анализ исторических условий, в которых родилось и созрело поэтическое мастерство Федосовой, дает возможность утверждать не только историческую закономерность ее идеологии, но и поставить вопрос обо всем ее творчестве, как поэтическом обобщении мировоззрения русского крестьянства в исторически конкретный момент его существования — во вторую половину 60-х годов XIX века. Ценность творчества Федосовой в необычайно сильном и полном отражении не только реальных событий, реальных классовых взаимоотношений и реальных черт крестьянского быта, но прежде всего самой идеологии крестьянства, выраженной в художественных образах, близких всему русскому крестьянству той поры.

Острота социального мироощущения Федосовой находит свое объяснение в крайней сложности, напряженности социально-политической ситуации пореформенной России. Поэтическое сознание Федосовой, пораженное непрерывным потоком бедствий «страшных» реформенных лет, упорно искало виновников и причин этих бедствий, поднимаясь до сознания «конкретного горя», как «горя социального». Социальный враг — источник всех крестьянских несчастий — был узан и определен ею. Отсюда — сильнейший социальный протест, «неожиданный» для неграмотной олонечкой крестьянки гражданский пафос и мужество.¹ Федосова искала, но не находила выхода из окружающего ее мира социальной несправедливости. Сам этот социальный протест созрел и развивался на путях, типичных для русского крестьянства второй половины XIX века и нес на себе бремя характерной незрелости, противоречивости, политической неосознанности.

---

¹ Недаром Н. К. Михайловский в своей рецензии на I том говорит о «гражданских мотивах» в творчестве Федосовой, см. *Отеч. зап.* 1872, № 11, стр. 149—175.

Таким образом, Федосова с большой полнотой отразила в своем творчестве сильные и слабые стороны крестьянской идеологии середины XIX века.

Социальная острота и поэтическая сила текстов Федосовой, по достоинству оцененная В. И. Лениным, А. М. Горьким и Н. А. Некрасовым, обеспечили народной сказительнице не только значительность ее воздействия на современную ей крестьянскую аудиторию, но и позволяют оценить ее творчество как значительный вклад в историю русской культуры.
